— Старший, отведи свою жену назад и как следует проучи её. Насчёт Цинъяна я ещё подумаю.

Госпожа Мин не была простоватой женщиной. Она наконец пришла в себя и удивилась собственной смелости — посметь устроить сцену перед свекром! Она украдкой взглянула на стоящего рядом Чжун Чжэнжэня и, увидев, что его выражение лица всё ещё более-менее нормально, осторожно поплелась обратно в свою комнату.

Видеть обычно такую колючую и резкую женщину, мать его детей, в образе покорной жены было таким редким зрелищем, что даже Чжун Чжэнжэнь, человек не склонный к эмоциональным перепадам, нашёл это удивительным. Госпожа Мин хоть и была дерзкой, но перед старием она всё же боялась вести себя своевольно. Если бы не душевная боль за старшего сына, она бы вряд ли решилась на такой вызов.

Заметив, что госпожа Мин хочет что-то сказать в своё оправдание, Чжун Чжэнжэнь остановил её:

— Хватит. Я знаю, что у тебя на уме. В этот раз я тебя прощаю, но в следующий раз не смей перечить отцу. Хорошо ещё, что матери сейчас не было, иначе тебе бы несдобровать.

В этот раз госпожа Мин была необычно послушной: она изо всех сил удерживала слова, готовые сорваться с языка, и кивала, принимая наставления.

— И не держи на меня зла. Я понимаю, что в последние годы Цинъяну досталось тяжело, но семья может позволить себе содержать только одного учёного. В учёбе Цинъян не сравнится с Чжэнсинем, что я могу поделать? Но и я не думал, что он всё это время продолжает упорствовать. Те небольшие деньги, что он копил, пожалуй, всё ушли на покупку книг, бумаги и кистей. — Это дело Чжун Цинъян всё время скрывал. Если бы Чжун Чжэнжэнь не обнаружил это случайно, он бы сейчас промолчал и даже надеялся бы, что мнение жены будет принято отцом. Это сильно отличалось от его обычного поведения.

Видя, что всё обошлось так легко, госпожа Мин больше не стала притворяться и тут же вернулась к своему обычному «я», громко заявив:

— Еще бы! Я вот смотрю: днем он вкалывает, а ночью сидит в комнате при свече и книжки зубрит. Слишком это тяжело, вот я и решила хоть как-то за него похлопотать.

— Ты давно знала? Почему же мне не сказала?

— А какой смысл говорить? В семье денег нет, всё равно ничего не выйдет. — Госпожа Мин фыркнула и её слова, как иголки, прямо попали в самое больное место Чжун Чжэнжэня, оставив его без ответа.

— О, значит, сейчас ты устроила скандал, потому что решила, что денег в семье хватит?

— Я просто гадаю. Раз Цинфэна могут отправить учиться, значит, и второго смогут. Если я не постараюсь за Цинъяна, я потом спокойно спать не смогу. — Когда госпожа Мин не цепляла эмоция, она вполне могла мыслить трезво. Но даже если бы она понимала, что так нельзя, она всё равно пошла бы к Дедушке Чжуну говорить, просто выбрала бы другие слова. Говорить с таким напором она бы больше не решилась.

— Почему ты так заботишься о Цинъяне сейчас, а когда дело о замужестве Синь решали, о нём не подумала? — Чжун Чжэнжэнь показал, что логика жены ему непонятна.

Задумавшись об этом, госпожа Мин совсем не чувствовала себя виноватой. Она скривилась и сказала:

— Это ж совсем разные вещи. Если бы с замужеством Синь всё получилось, деньги — дело десятое, через пару лет всё окупится. А отправить Цинъяна в училище — это нам не по карману, даже если бы у меня было желание, у меня нет такой возможности. К тому же...

Госпожа Мин чуть было не выдала то, что говорить не следовало, и поспешно заткнулась.

Чжун Чжэнжэнь посмотрел на жену, которая договорила до половины и замолчала. Его лицо стало неопределенным. Похоже, госпожа Мин что-то скрывала от него. Но без улик он не мог её допрашивать, поэтому он переключил мысли на текущее дело.

Чжун Чжэнжэнь не ожидал, что госпожа Мин до сих пор не понимает: суть дела не в этом, а в том, есть ли у старшей дочери сердце к родителям. Судя по её прошлым поступкам, Чжун Чжэнжэнь ей не верил. Попробуй-то верни что-то из рук той, кто всё схватывает. Одна мысль о том, как это трудно, вызывала головную боль. Похоже, впредь придётся следить за действиями госпожи Мин, а то ещё утащит в яму по уши.

Поразмыслив, Чжун Чжэнжэнь всё же произнес:

— С делом Цинъяна пока так и оставим. Я здесь, тебе за него выступать не нужно, разве я своему ребёнку навредить могу? А что касается девочки Синь, то в будущем, прежде чем принимать решения, сначала советуйся со мной. Если ещё раз будет как в прошлый раз, я точно не стерплю.

Госпожа Мин лишь подумала о возможных последствиях, и ей стало не по себе. Не то что сейчас, но даже раньше она не хотела покидать семью Чжун. В её возрасте возвращаться в родительский дом — добром это не кончится. Она больше не посмеет принимать решения самовольно.

Увидев страх на лице госпожи Мин, Чжун Чжэнжэнь остался очень доволен. Раз эффект такой хороший, надо будет время от времени напоминать ей об этом.

В главном покое Дедушка Чжун просидел в задумчивости долгое время. Он рассуждал так: судя по темпам, с которыми мастерская Цинхэ приносит доход, даже если бизнес упадёт вдвое, прокормить нескольких учёных всё равно будет возможно. Как минимум, оплата клановой школы не станет проблемой. А вот стоит ли тратить силы на их воспитание — это уже зависит от их собственных способностей.

Обдумав всё, Дедушка Чжун вдруг поднялся, заложил руки за спину и ещё долго ходил взад-вперед по комнате, прежде чем окончательно принять решение.

Призвав Чжун Цинжаня, Дедушка Чжун с глубоким смыслом произнес:

— Цинжань, раз мастерская Цинхэ стоит крепко, думаю, в семье впереди денег не будет. Твоя мать тут приходила, говорила, чтобы и твоего старшего брата тоже отправить в клановую школу. Я долго думал и считаю, что она права. Когда есть деньги, зачем не использовать их для воспитания потомков? Неужели просто так, чтобы было на что смотреть?

Чжун Цинжань с недоумением смотрел на Дедушку Чжуна, не понимая, к чему он клонит, и терпеливо слушал.

Дедушка Чжун резко сменил тему и продолжил:

— Раз твой старший брат пойдёт в школу, то и твой второй брат не должен отставать. Твой четвертый брат уже давно определён, а ты находишься посередине. Разве у тебя нет никаких мыслей на этот счёт?

Чжун Цинжань вдруг понял, что дед его поджидал. Это дело действительно было непростым. Раньше из всех внуков только он один ходил в школу, на него смотрели с завистью. Когда он бросил учёбу, пусть никто и не хлопал в ладоши, но мало кто действительно искренне отговаривал его. А теперь хорошо: все мужчины рода Чжун пойдут в школу, а он, проучившись всего три года, окажется белой вороной. Нет, скорее наоборот.

Дедушка Чжун не торопил его, терпеливо ожидая ответа, хотя сердце его почему-то забилось быстрее.

Чжун Цинжань спросил самого себя: не говоря уже о том, есть ли у него такая способность, даже если бы он мог, благодаря нечеловеческому везению, пройти один экзамен за другим и в итоге встать на путь чиновника, выбиться в люди — это ли та жизнь, которую он хочет? Очевидно, нет. С его свободолюбивым нравом угождать начальству, привлекать подчинённых, говорить с людьми по-разному — какою жизнь была бы до тошноты стеснительной! Разве это сравнится со свободой маленького помещика в деревне?

Если раньше Чжун Цинжань ещё испытывал опасения — у семьи Чжун не было ни власти, ни влияния, ни опоры, и даже имея кучу денег, на душе было неспокойно, как бы беда ни свалилась на голову.

Если говорить более реально, даже если он выучит самых близких братьев, пятого и шестого, и отношения между ними останутся прежними, когда у них появятся жёвы и дети, его место в их сердцах неизбежно отодвинется. Лучше иметь своё, и это он понимал очень ясно.

Сейчас всё иначе. У Чжун Цинжаня есть Жемчужина удачи. Пока он проявляет свои таланты, зарабатывая большие деньги, он может по собственному желанию делать дела, полезные для народа Великой Чжоу, и приносить себе бесконечную удачу. Ему совершенно не обязательно привязывать себя к пути государственных экзаменов, по которому стремятся пройти тысячи учёных, который уже устлан белыми костями и который кажется широкой дорогой, полным блестящих перспектив.

И ещё одно: если Чжун Цинжань не ошибся, тот богато одетый юноша, которого он случайно спас, вполне может стать его мощной опорой. Это чувство возникло без всяких оснований, но появилось в его голове и никак не хотелось уходить.

Интуиция у Чжун Цинжаня всегда была верной. Он не стал искать доказательства, правильно ли его чувство, а просто решил поверить.

Думал он так, но Чжун Цинжань не мог позволить себе делать всё что вздумается, ему нужно было учитывать чувства двух стариков. Поэтому он неохотно сказал:

— Дедушка, пойти в клановую школу я могу. Но, как вы знаете, всякие эти «чжихуже» мне неинтересны, так что не заставляйте меня потом сдавать экзамены на чины.

Услышав, что третий внук согласен, Дедушка Чжун был бы только рад, но, услышав оставшуюся половину фразы, радость его пропала. Он ещё надеялся, что удастся разжечь в третьем внуке дух соперничества. Если не выйдет, то хотя бы из-за того, что братья будут

стараться, он тоже хотя бы попробует пойти на экзамен. В итоге же эта надежда была сразу перечеркнута.

Да ладно, да ладно. Кто-то любит грамоту, кто-то военное дело, а кто-то ничему не может научиться. В некоторых вещах нельзя принудить. В этот раз Дедушка Чжун окончательно примирился. У каждого внука своя судьба. Если бык не хочет есть траву, разве запихнёшь её ему насильно? К тому же, внук в последнее время такой разумный, разве он человек без плана в голове? Раз он так не хочет идти по пути чиновника, пусть поступает как знает. Наверняка у него есть свой выход из положения.

http://bllate.org/book/16837/1548104